

Чудинов Сергей Иванович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории
Сибирского государственного университета
телекоммуникаций и информатики,
ведущий научный сотрудник
Управления научно-исследовательских работ
Новосибирского государственного архитектурно-
строительного университета (Сибстрин)

**ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ
ЭКСТРЕМИЗМА В ЗАПАДНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ
ТЕРРОРИЗМА СМЕРТНИКОВ) [1]**

Аннотация:

В статье представлены ведущие теории и научные школы Запада, имеющие единые методологические ориентиры, парадигмальные в изучении мотивационных механизмов терроризма смертников и рациональности его субъекта. Отмечен социально-политический контекст и сугубо эмпирическая направленность теорий, невнимание к экзистенциальному опыту и метафизической сущности протеста как важным сторонам мотивации атак смертников, а также использование мультикаузального подхода в научном анализе рассматриваемого феномена. Проблема рациональности экстремизма показана на материале исламистского терроризма, однако выводы, представленные в статье, применимы и к другим экстремистским движениям.

Ключевые слова:

экстремизм, терроризм смертников, рациональность экстремизма, рационалистский и культуралистский подходы, мультикаузальный подход, рациональный актор, экзистенциальный субъект.

Chudinov Sergey Ivanovich

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Philosophy and History Department,
Siberian State University of
Telecommunications and Information Science,
Leading Research Associate,
Research Department,
Novosibirsk State University of
Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)

**THE ISSUE OF EXTREMIST
RATIONALITY IN WESTERN
SOCIAL RESEARCHES
(CASE STUDY OF SUICIDE
TERRORISM) [1]**

Summary:

The article is concerned with the leading Western theories and scientific schools, which have unified methodological guidelines in the study of motivational mechanisms of the suicide terrorism and the rationality of its subject. The author considers the socio-political context and pure empirical orientation of the theories, their disregard to the existential experience and metaphysical essence of the protest as important aspects of motivation of suicide bombers, as well as application of the multi-causal approach in the research of this phenomenon. The problem of rationality of extremism is shown on the material of Islamist terrorism, however, the findings presented in this article apply to other extremist movements.

Keywords:

extremism, suicide terrorism, extremist rationality, rationalist and cultural approaches, multi-causal approach, rational actor, existential subject.

Вопрос о рациональности экстремизма – широко дискутируемый в зарубежных социально-гуманитарных исследованиях. Он представляется весьма актуальным в контексте определения и описания подлинных мотивов экстремистской деятельности, сочетания в ней рационально отрефлексированных и экзистенциальных составляющих. Поскольку в отечественной научной литературе по «экстремизмоведению» сложно найти детальный разбор проблемы рациональности экстремизма, мы рассмотрим, каким образом она решается в многочисленных социально-гуманитарных исследованиях на Западе. Охватив в своем обзоре ведущие теории и научные школы, мы можем обнаружить, что западные исследования (значительная доля которых принадлежит ученым, работающим в США) имеют единые методологические ориентиры. В данном исследовании мы рассмотрим основные методологические идеи, парадигмальные для подхода западных ученых в изучении мотивационных механизмов терроризма смертников и рациональности его субъекта.

Поскольку большинство из далее рассматриваемых нами ученых в значительной степени опираются на социокультурную версию терроризма смертников, мотивированную радикальным исламом (идеологией исламизма), те выводы, которые будут представлены в статье, будут построены прежде всего на данном материале, однако большинство из них вполне применимы и к другим экстремистским движениям, стоящим за организацией атак смертников. Исламистский экстремизм – это одна из наиболее распространенных и репрезентативных разновидностей терроризма смертников. Особое внимание к ней также обусловлено задачей выяснения значения религиозного фактора в формировании рациональности террориста-смертника.

В американской и западно-европейской науке, к которой примыкают исследования израильских ученых и отчасти ученых Восточной Европы, проблема рациональности терроризма

смертников, как правило, решается сквозь призму концепта рационального актора. Такой подход именуется рационалистским (rationalist approach). Рациональный актор предполагает субъекта, который в социальном взаимодействии стремится максимально реализовать свои интересы при как можно меньших потерях, руководствуясь принципом кульюляции возможных потерь и приобретений и выбора среди альтернатив наиболее выгодной. Поскольку в сфере терроризма смертников поведение индивида очевидным образом не вписывается в логику максимизации личных выгод и минимизации личных затрат, изучение социальных структур, ответственных за подготовку террористов-смертников, стало восприниматься большинством западных ученых в качестве исходной точки, с которой возможно развернуть перспективу исследования и осветить потаенные мотивы и механизмы, приводящие в действие экстремистские модели поведения. При этом вразрез с классической (экономической) интерпретацией рационального актора, под которым подразумевался прежде всего индивид, в современных теориях, объясняющих сущность экстремизма, в качестве рационального актора берется социальная группа, а именно экстремистская организация. При этом последняя воспринимается скорее в духе дюркгеймовской социологии как некая целостность и принуждающая сила, надстраивающаяся над индивидами.

Примерно с середины 2000-х гг. в западной политологии все настойчивей стали звучать утверждения о том, что поведение индивида, на первый взгляд выглядящее иррациональным (желание собственной смерти), может быть объяснено разумно, если принять тезис о первичности социальных и организационных аспектов в терроризме смертников. Как утверждает С. Атран, терроризм смертников – это «преимущественно (хотя и не полностью) феномен институционального уровня» [2].

Признав в качестве первичного субъекта терроризма смертников социальную группу (радикальную группировку), западные ученые разошлись во мнении относительно целей и условий, при которых повстанческие организации готовы прибегнуть к такому методу ведения террористической войны. К разным ответам также привел вопрос о том, каким образом индивид обретает готовность жертвовать собой ради коллективных целей и что способствует его вступлению в террористическую организацию. Существующие теории можно подразделить на основе этих критериев на несколько разновидностей. Перечислим лишь наиболее известные и распространенные среди них.

1. Теория «стратегической логики» терроризма смертников Р. Пейпа.

Она сводит терроризм смертников к стратегической задаче прекращения иностранной оккупации территории, которую террористы рассматривают как родину. Особенности теории Пейпа являются выведение на первое место националистических мотивов в атаках смертников, снижение роли религиозного фактора до вторичного условия, которое лишь усиливает националистические чувства. Разница в исповедуемой религии между теми, чьи территории оккупируют, и оккупантами становится причиной значительной публичной поддержки движения национального сопротивления, культа мучеников и терроризма смертников [3].

2. Теория соперничества между радикальными оппозиционными группировками М. Блум.

Она утверждает, что в основе динамики террористической деятельности повстанческих групп, прибегающих к атакам смертников, ведущим фактором является соревнование между ними и конкуренция, которая нацелена на местное население, поддерживающее и «голосующее» за эти организации. При этом к такой форме терроризма обращаются тогда, когда иные военные и террористические стратегии потерпели крах [4].

Другие концепции, также будучи убежденными, что решение о реализации миссий смертников принимается экстремистской организацией исходя из стратегической логики, в своем объяснении ставят акцент на связи между индивидом и группой.

3. Теории социальной солидарности, которые считают, что в отношениях «индивид (исполнитель атаки) – экстремистская группа» приоритет отдается группе.

Рациональность смертника поглощается рациональностью группы в результате процесса социализации внутри экстремистского сообщества. С. Атран утверждает: «Путем идеологической индоктринации и тренировки и под влиянием харизматических лидеров замкнутые террористические ячейки канализируют несопоставимые религиозные и политические чувства индивидов в эмоционально сплоченную группу фиктивных родственников, которые сознательно желают эффектно умереть друг за друга и за то, что воспринимается как коллективное благо, способное смягчить политические и социальные тяготы своего общества» [5, с. 1534]. Чтобы процесс социализации был инициирован, индивиду сначала следует присоединиться к экстремистской группе, что во многом связано с социальным контекстом существования (коллективное чувство исторической несправедливости и т. п.) [6, с. 1536].

4. Теории экономического обмена (М. Харрисон [7] и т. д.).

Данная разновидность концепций объединена общей мыслью о том, что индивиды, вступающие в экстремистскую группу, по сути, заключают негласный «контракт» и акт экономического обмена услугами. Внутри своего класса эти теории подразделяются на частные версии, предлагающие разные решения вопроса о предмете обмена. Наиболее популярным решением является теория идентичности, в которой

социальная идентичность считается столь значимой для индивида, что он готов вступать в «контракт» с экстремистской группой и жертвовать своими интересами вплоть до собственной жизни ради устойчивой идентичности.

Предложенные модели социологического объяснения вызывают ряд серьезных замечаний. Сведение рациональности атак смертников к организационному уровню и социальной динамике развития экстремистских организаций, очевидно, представляет собой упрощение социально-политической реальности. Мотивы индивида здесь не рассматриваются как равноправный фактор, что вряд ли справедливо.

Определяющую роль фактора социализации можно легко поставить под сомнение даже чисто эмпирически. Если взять пример палестинского терроризма, хорошо известно, что большинство смертников – добровольцы, пришедшие в радикальную организацию «со стороны». А это означает, что та социализация, через которую прошел будущий смертник во время его тренировки, имеет в лучшем случае второстепенное значение. Другое затруднение связано с религиозно-идеологической стороной вопроса. Недооценка религиозного фактора – фактически обший недостаток всех перечисленных выше теорий. К. Викторовиц верно указывает на то, что в сознании смертника, исповедующего ислам, эмоциональные узы по отношению к «фиктивным родственникам» и задачи организации вряд ли могут замещать собой религиозные нормы [8, с. 10].

Одномерность господствующей методологической установки, квалифицирующей терроризм смертников в качестве преимущественно организационного явления, несколько смягчает общепринятое подразделение научного анализа на несколько уровней причинности и мотивации – так называемый мультикаузальный подход (наиболее последовательно реализуемый в исследованиях М. Хафеза [9], А. Могадама [10], П. Джилля [11] и т. д.). Он основан на определении трех уровней мотивации религиозно-политического экстремизма: организационном, индивидуальном (мотивы и личные обстоятельства потенциального смертника) и социетальном (социальный контекст, в котором имеет место политический конфликт). Предполагается, что непротиворечивое соединение трех уровней анализа даст полную картину комплекса мотивации атак смертников. Однако в действительности попытка сохранить баланс между всеми тремя факторами терпит неудачу. Ученым, как правило, присуща склонность выделять один из уровней анализа в качестве ведущего фактора. В результате это ведет к тому же, что и теория рационального выбора, то есть к социологизации рациональности терроризма смертников.

К примеру, в рамках данной методологической модели выполнено исследование Р. Пейпа, поэтому его монография четко разделена на три основных раздела, соответствующие указанным уровням [12]. В ней подробно рассмотрена индивидуальная мотивация смертников, но решение вопроса исключительно социологизирует рациональность исполнителя террористического акта. Используя социологическую теорию самоубийства Э. Дюркгейма, ученый объясняет поведение смертника альтруистическим этосом террористического подполья. В итоге ответственность за осуществление мученической операции все же несет террористическая организация. Среди трех уровней мотивации ученый отдает явный приоритет организационному.

Другой вариант реализации мультикаузального подхода связан с культуралистским объяснением (culturalist approach) рациональности смертника. Если на организационном уровне предметом исследования должна быть «стратегическая логика» радикальных группировок, поведение потенциального смертника может быть объяснено только культурологически через феномен культуры мученичества, создаваемой экстремистами.

Согласно этому подходу, групповые действия с высоким риском и связанные с крайними формами насилия, должны быть оформлены или рационализированы в виде действий, имеющих спасительный для индивида и общества смысл. Дискурсивные практики, оперирующие культурными символами, мифами, религиозной этикой в целях мобилизации воинственных боевиков, важны для снятия нравственного запрета на убийство других людей и могут воодушевить индивида на самопожертвование [13, с. 170–171]. Таким образом, радикальная субкультура детерминирует рациональность рядового члена экстремистской организации.

Стоит отметить, что среди распространенных подходов имеются попытки преодолеть эту тенденцию к социологизации феномена терроризма смертников. К примеру, К. Викторовиц считает, что имеющиеся затруднения можно решить, если принять, что поведение террористов-смертников определяется рациональным выбором, основанным одновременно на стратегических подсчетах и религиозных убеждениях. Смертника следует определить как «рационального истинноверующего» (rational true believer). От обычного рационального актора он отличается тем, что свой доминирующий интерес видит не в чем-то материальном или политическом, но определяет его в «духовных понятиях». Главным мотивом для него становится спасение души в Судный день [14, с. 7]. В результате рациональность самого смертника получает научное освещение, но

во многом сводится к прагматическому мышлению. Причем учет религиозного и культурного факторов мало меняет эту картину.

Разбор рассмотренных концепций приводит нас к заключению, что вне зависимости от того, каким путем решается проблема рациональности террориста-смертника, ведущей тенденцией в западных исследованиях является склонность к объяснению личной мотивации смертника внешним социальным давлением. Для индивидов, становящихся смертниками, стратегической логики, которой может руководствоваться организация, явно недостаточно, в особенности в тех случаях, когда они добровольцы, избравшие путь «мученичества» без какого-либо внешнего социального принуждения.

Террорист-смертник вряд ли сводим к рациональному актору. Учитывая особенности его ситуации, его скорее следовало бы оценивать как экзистенциального субъекта, который основывает свой выбор не только на рациональном расчете, но и внелогических и метапрагматических предпосылках. Его выбор носит экзистенциальный характер.

Смертник есть индивид, который находится в пограничной ситуации. Согласно К. Ясперсу, «ситуация становится пограничной ситуацией, если она пробуждает субъект к экзистенции через радикальное потрясение его существования» [15, с. 79]. Это такая ситуация, которая обесценивает наличное бытие и оставляет личность один на один с трансцендентной реальностью. Последний акт смертника есть волевое решение, вне зависимости от большей или меньшей степени его подчиненности группе или принуждающих обстоятельств. Рациональность бомбиста-смертника выходит за рамки привычной рациональности в смысле прагматического «калькулирующего» рассудка. Она базируется на метафизических предпосылках и, в частности, оценивает террористический акт глубоко символично и онтологично одновременно. Сознательное отвержение существования в этом мире, которое сопровождается поражением врага в уязвимое место (террористическая атака – это средство ассиметричного ведения боевых действий), есть символическое преодоление доминирования противника в земном мире и победа над ним. Своим актом исполнитель атаки показывает, что он выше, чем его эмпирическое «я», которое не имеет власти над жизненными обстоятельствами. Это попытка во многом иллюзорного трансцендирования своего «я» через вольную смерть. Как говорит К. Ясперс об одном из типов самоубийств, наиболее близких к феномену терроризма смертников, «где в мире есть воля к господству над другими, самоубийство – это действие, которым человек может прекратить это господство. Это единственное оружие, которое остается побежденному, чтобы одержать верх над победителем, как Катон над Цезарем» [16, с. 319].

Идеологическая индоктринация и социализация внутри сообщества, в котором пустила свои корни радикальная субкультура мученичества, внутренний альтруистический этос экстремистской группы – все эти факторы также имеют значение. Но без экзистенциального выбора, основанного на метафизических предпосылках (в особенности подкрепляемых радикализированными религиозными верованиями), они не способны довести подготовку террористического акта до конца. Таким образом, западная научная традиция интерпретации рациональности экстремизма в целом и терроризма смертников в частности, несмотря на множество заслуг в исследовании разнообразных аспектов современного экстремизма, требует корректировки в самой методологической базе проводимых исследований.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-530.2014.6).
2. Atran S. Genesis of Suicide Terrorism // *Science*. 2003. 7 March. Vol. 299. P. 1534–1539.
3. Pape R. *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*. New York, 2006. 353 p.
4. Bloom M. *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror*. New York, 2005. P. 3.
5. Atran S. *Op. cit.*
6. *Ibid.*
7. Harrison M. An Economist Looks at Suicide Terrorism // *World Economics*. 2006. July – September. Vol. 7. № 3. P. 1–15.
8. Wiktorowicz Q. *Suicide Bombings. Do Beliefs Matter? Working paper*. 2004. 26 p.
9. Hafez M. *Manufacturing Human Bombs. The Making of Palestinian Suicide Bombers*. Washington, D. C., 2006. 125 p.
10. Moghadam A. *The Globalization of Martyrdom: Al Qaeda, Salafi Jihad, and the Diffusion of Suicide Attacks*. Baltimore, Md., 2008. 360 p.
11. Gill P. A Multi-Dimensional Approach to Suicide Bombing // *International Journal of Conflict and Violence*. 2007. Vol. 1 (2). P. 143–159.
12. Pape R. *Op. cit.*
13. Hafez M. *Rationality, Culture, and the Structure in the Making of Suicide Bombers: A Preliminary Theoretical Synthesis and Illustrative Case Study // Studies in Conflict & Terrorism*. 2006. № 26. P. 165–185.
14. Wiktorowicz Q. *Op. cit.*
15. Ясперс К. *Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире*. М., 2012. 384 с.
16. Там же.

References and notes:

1. The article is performed with the Presidential Grant for financial support of young Russian scholars (MK-530.2014.6).
2. Atran, S 2003, 'Genesis of Suicide Terrorism', *Science*, 7 March, vol. 299, p. 1534-1539.
3. Pape, R 2006, *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*, New York, 353 p.
4. Bloom, M 2005, *Dying to Kill: The Allure of Suicide Terror*, New York, p. 3.
5. Atran, S 2003, 'Genesis of Suicide Terrorism', *Science*, 7 March, vol. 299.
6. Atran, S 2003, 'Genesis of Suicide Terrorism', *Science*, 7 March, vol. 299.
7. Harrison, M 2006, 'An Economist Looks at Suicide Terrorism', *World Economics*, July – September, vol. 7, no. 3, p. 1-15.
8. Wiktorowicz, Q 2004, *Suicide Bombings. Do Beliefs Matter? Working paper*, 26 p.
9. Hafez, M 2006, *Manufacturing Human Bombs. The Making of Palestinian Suicide Bombers*, Washington, D.C., 125 p.
10. Moghadam, A 2008, *The Globalization of Martyrdom: Al Qaeda, Salafi Jihad, and the Diffusion of Suicide Attacks*, Baltimore, Md., 360 p.
11. Gill, P 2007, 'A Multi-Dimensional Approach to Suicide Bombing', *International Journal of Conflict and Violence*, vol. 1 (2), p. 143-159.
12. Pape, R 2006, *Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism*, New York, 353 p.
13. Hafez, M 2006, 'Rationality, Culture, and the Structure in the Making of Suicide Bombers: A Preliminary Theoretical Synthesis and Illustrative Case Study', *Studies in Conflict & Terrorism*, no. 26, p. 165-185.
14. Wiktorowicz, Q 2004, *Suicide Bombings. Do Beliefs Matter? Working paper*, 26 p.
15. Jaspers, K 2012, *Philosophy. The first book. Philosophical orientation in the world*, Moscow, 384 p.
16. Jaspers, K 2012, *Philosophy. The first book. Philosophical orientation in the world*, Moscow, 384 p.